

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	11
1. ИГРАЮЩИЕ В «ПЕРЕСМЕШНИКА»	34
2. «СТОЙ!»	56
3. Суды и невзгоды	74
4. СТАРЫЙ ОБВЕТШАЛЫЙ КРЕСТ	102
5. «О ПРИШЕСТВИИ ДЖОНА»	138
6. БЕСПОРНО ОБРЕЧЕНЫ	171
7. В ПРАВОСУДИИ ОТКАЗАНО	187
8. ВСЕ ДЕТИ БОЖЬИ	215
9. Я ЗДЕСЬ	238
10. СМЯГЧЕНИЕ	270
11. Я УЛЕЧУ	295
12. МАМА, МАМА	330
13. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ	352
14. ЖЕСТОКИЕ И НЕОБЫЧНЫЕ	372
15. НАДЛОМЛЕННЫЕ	399
16. ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЬ ЛОВЦОВ КАМНЕЙ	428
ЭПИЛОГ	452
БЛАГОДАРНОСТИ	457
ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА	459
ОБ АВТОРЕ	460
ПРИМЕЧАНИЯ	461

Введение

На высоте земли

Я не был готов к встрече с приговоренным. В 1983 году я был двадцатитрехлетним студентом Гарвардской юридической школы, работавшим на практике в Джорджии, рьяным и неопытным... и опасался, что влип хуже некуда. Я никогда прежде не видел тюрьму особого режима изнутри — и уж точно никогда не бывал в камере смертника. Узнав, что мне предстоит отправиться к заключенному в одиночку, без сопровождения «настоящего» адвоката, я изо всех сил постарался скрыть панику.

Камеры смертников в Джорджии находятся в тюрьме за окраиной Джексона — захолустного городка в деревенской глубинке штата. Я поехал туда совсем один, направляясь на юг по шоссе I-75 из Атланты, и чем ближе становилось место назначения, тем сильнее колотилось мое сердце. Я ничего не знал о смертных приговорах: в нашей программе еще не было лекций по уголовному судопроизводству. Я не имел даже приблизительного представления о сложном процессе апеллирования, придающем форму обжалованию приговоров к смертной казни, — о том самом процессе, который впоследствии изучил как свои пять пальцев. Подписывая согласие на практику, я не придавал особого значения тому факту, что мне на самом деле придется встречаться с осужденными заключенными. Честно говоря, я тогда даже не был уверен, что хочу быть адвокатом. Чем больше миль наматывал мой спидометр по сельским дорогам, тем крепче

ПРОСТО ПОМИЛОВАТЬ

становилась моя убежденность в том, что человек, с которым предстоит встретиться, будет крайне разочарован знакомством со мной.

В колледже я изучал философию и вплоть до последнего курса не сознавал, что никто не станет платить мне за философствование, когда я получу диплом. Лихорадочные поиски «послевыпускного плана» привели меня в юридическую школу — в основном потому, что

Мне, выпускнику маленького колледжа в Пенсильвании, казалось невероятной удачей, что меня приняли в Гарвард, но под конец первого курса все мои иллюзии развеялись.

для поступления на другие программы магистратуры необходимо было разбираться в своей будущей сфере деятельности; в юридических же школах, казалось, не требовали никаких особых знаний. В Гарварде я мог изучать юриспруденцию, одновременно зарабатывая магистерский диплом по государственной политике в Школе управления имени Кеннеди, что мне импонировало. Я не очень хорошо представлял, что хочу делать со своей жизнью, но знал: это будет как-то связано с судьбами бедняков, историей расового неравенства в Америке и борьбой за равенство и справедливость в обращении людей друг с другом. У моей будущей профессии должна была быть какая-то связь с теми вещами, которые я уже успел повидать в жизни и которые были мне интересны. Но я никак не мог собрать все эти смутные желания в одно целое так, чтобы получился некий определенный профессиональный путь.

Вскоре после начала учебы в Гарварде я начал опасаться, что ошибся с выбором. Мне, выпускнику маленького колледжа в Пенсильвании, казалось невероятной удачей, что меня приняли в Гарвард, но под конец первого курса

НА ВЫСОТЕ ЗЕМЛИ

все мои иллюзии развеялись. В те времена Гарвардская юридическая школа производила устрашающее впечатление — особенно на молодого человека, которому исполнился всего двадцать один год. Многие преподаватели применяли сократовский метод общения: прямые, однообразные и недружелюбные опросы или даже скорее допросы, помимо всего прочего, унижительные для не подготовившихся студентов. Материал лекций, которые нам читали, казался эзотерическим, заумным и никак не связанным с теми проблемами расового неравенства и бедности, которые изначально побудили меня пойти в юридическую школу.

Многие мои однокурсники уже были обладателями университетских дипломов или работали помощниками юристов в престижных юридических фирмах. У меня подобного послужного списка не было. Я казался себе значительно менее опытным и знающим, чем мои соученики. Когда через месяц после начала занятий в кампус явились представители юридических фирм и начали проводить собеседования со студентами, мои однокурсники надевали дорогие костюмы и спешили подписывать контракты, чтобы «застолбить местечко» в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско или Вашингтоне. Для меня же было полнейшей тайной, чем мы все так усердно готовимся заниматься. До поступления в юридическую школу я даже не был лично знаком ни с одним юристом.

Летние каникулы после первого курса юридической школы я провел, работая днем в проекте ювенальной юстиции в Филадельфии и учась на математических курсах по вечерам, чтобы подготовиться к следующему году учебы в школе Кеннеди. Начав в сентябре занятия по программе курса государственной политики, я по-прежнему пребывал в душевном раздрае. Наш учебный план был крайне умозрительно-вычислительным: главное место в нем занимали расчеты,

ПРОСТО ПОМИЛОВАТЬ

позволяющие максимизировать выгоды и минимизировать затраты, но никого особо не интересовало, какими способами достигаются эти выгоды и как формируются затраты. Теория решений, эконометрика и подобные предметы хоть и стимулировали умственную деятельность, оставляли у меня ощущение, будто я плыву куда-то без руля и парусов. Но потом вся картинка вдруг обрела четкость.

Я узнал, что наша юридическая школа предлагает нестандартный месячный курс по проблемам расового неравенства и бедности в контексте судопроизводства. Его вела Бетси Бартолет, профессор юриспруденции, которая работала судебным адвокатом Фонда правовой защиты при Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (NAACP*). В отличие от большинства других курсов, занятия проводились вне кампуса и требовали, чтобы студенты весь этот месяц проходили практику в одной из организаций, занимавшихся социально-правовой работой. Я тут же записался на этот курс и в декабре 1983 года оказался на борту самолета, летевшего в Атланту, штат Джорджия, где должен был провести несколько недель, работая в Южном комитете защиты заключенных (SPDC**).

Прямой перелет до Атланты был мне не по карману, поэтому пришлось лететь с пересадкой в Шарлотте, штат Северная Каролина. И там-то я познакомился со Стивом Брайтом, ди-

---

* The National Association of the Advancement of Colored People — Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН) — общественная организация США, которая была основана в 1909 году с целью защиты прав афроамериканцев в Америке.

** SPDC — Southern Prisoners Defence Committee — Южный Комитет Защиты Заключенных. Является региональным комитетом Южных Штатов США. В России в качестве аналогов можно рассматривать организации: фонд «В защиту прав заключенных» и в некоторой степени комитет «За гражданские права».

НА ВЫСОТЕ ЗЕМЛИ

ректором *SPDC*, который возвращался в Атланту из отпуска. Стиву было около тридцати пяти лет, и его натура отличалась энтузиазмом и уверенностью, которые составляли прямую противоположность моей нерешительности. Он вырос на ферме в Кентукки и, окончив юридическую школу, начал работать в Вашингтоне. Стив был блестящим судебным адвокатом в Службе государственных защитников округа Колумбия и как раз недавно согласился возглавить *SPDC*, чьей миссией была помощь заключенным, приговоренным к смертной казни в Джорджии. Как я ни старался, так и не смог заметить ни малейших признаков дисгармонии между тем, чем Брайт занимался, и тем, во что он верил, — это несоответствие я не раз замечал у своих преподавателей в юридической школе. При знакомстве он первым делом сгреб меня в добродушные объятия, а потом мы начали разговаривать... и не останавливались до тех пор, пока не прибыли в Атланту.

— Брайан, — сказал он в какой-то момент посреди нашего недолгого полета, — смертный приговор — это расплата, к которой приговаривают тех, кому больше нечем заплатить. Мы не можем помочь людям, сидящим в камерах смертников, без таких, как ты.

Мгновенная убежденность Стива в том, что я чего-то стою, явилась для меня полной неожиданностью. Он говорил о проблемах смертных приговоров просто, но убедительно, и я жадно ловил каждое слово, совершенно завороженный его решительностью и харизмой.

— Только я надеюсь, что ты не рассчитываешь на какие-то особо шикарные условия, — добавил он.

— О нет! — заверил я его. — Я благодарен за возможность работать с вами.

— Ха! «Возможность» — далеко не первое слово, приходящее на ум людям, когда они прикидывают, не поработать